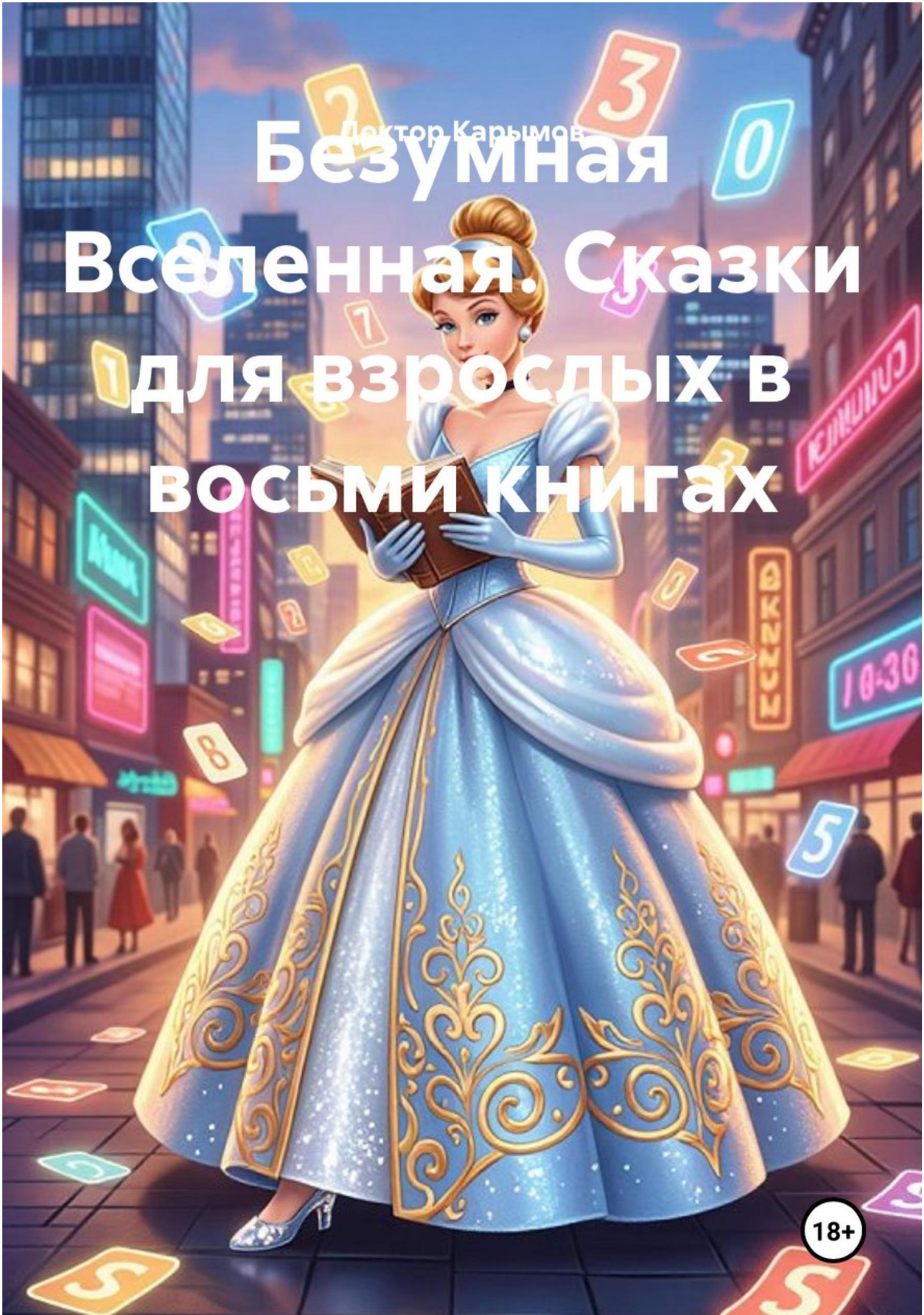
Доктор Карымов

Безумная Вселенная. Сказки для взрослых в восьми книгах



18+

Доктор Карымов

Безумная Вселенная. Сказки для взрослых в восьми книгах

«Автор»
2026

Карымов Д.

Безумная Вселенная. Сказки для взрослых в восьми книгах / Д. Карымов — «Автор», 2026

Добро пожаловать в мир, где сказки сняли глянцевую обёртку, вышли на пенсию и завели собственную бухгалтерию!В этом большом сборнике от практикующего врача — доктора Карымова — собраны все восемь книг дерзкого, ироничного и удивительно тёплого цикла «Безумная Вселенная»: Золушка проводит аудит королевства после свадьбы и влюбляется в коллектора Румпельштильцхена; Буратино решается на столярную коррекцию у папы Карло, встроив себе уникальный «датчик лжи»; Белоснежка получает ДНК-тест на семерых гномов и требует алименты; Простачок вспоминает, почему взял отпуск от вечности; женщина по имени Она принимает вакансию Деда Мороза; Красная Шапочка и Маленькая Разбойница отправляются в Лапландию размораживать чужие сердца; а граф Влад Дракула с супругой Миной собирают Сходку Тёмных Сил, чтобы подлить масла в этот карнавал.Острая сатира, живые диалоги и напоминание о том, что даже в самой безумной сказке каждому нужно простое человеческое тепло.

© Карымов Д., 2026
© Автор, 2026

Доктор Карымов
Безумная Вселенная. Сказки для взрослых в восьми книгах

БЕЗУМНАЯ ВСЕЛЕННАЯ. Сказки для взрослых в восьми книгах

Книга 1. Добрая сказка для взрослых. Два яичка для Золушки

Я засунула свой тридцать шестой размер ноги в этот чёртов хрусталь, надеясь на чудо, но сказка совершила жёсткую лобовую посадку. Прошло три года после свадьбы, и теперь я точно знаю: проект «Долго и счастливо» — величайший обман в истории маркетинга, выполненный в декорациях суверенного феодализма.

Каждое моё утро начинается с приготовления блюда «Два яичка для Золушки». На серебряном подносе я несу принцу два варёных яйца — одно всмятку, как его ничтожный характер, второе вкрутую, как моя семейная жизнь. Сразу после свадьбы вскрылась жестокая правда о его полной мужской несостоятельности. В спальне этот кумир нации демонстрирует такую суицидальную робость, что его достоинство напоминает вялую спаржу. Он искренне верит, что для продолжения династии достаточно трижды поцеловать меня в локоть по протоколу. Это легализованный криминал против моей молодости, а вожделение в наших покоях заменено чистой безнадёгой.

Меня душит тоска по дому. Кто бы мог подумать, что с такой безумной любовью и слёзами я буду вспоминать мою дорогую мачеху. Леди Тремейн оказалась единственным честным человеком в моей жизни. Её изысканный садизм и крики по поводу немытых полов были проявлением здоровой заботы по сравнению с этой придворной кунсткамерой. Мачеха хотя бы была настоящей! Теперь она тайно пробирается во дворец через прачечную. Мы запираемся, пьём контрабандный джин прямо из горла, и она с тёплой жалостью гладит меня по голове, пока принц часами рыдает за стеной из-за незавязавшегося банта на сапоге. Она прагматично предлагает задушить его подушкой, и в этом тепла больше, чем во всех придворных реверансах.

А вот настоящим, абсолютным злом оказалась моя Фея-Крестная. Эта старая карга — бездушная тварь и глава подпольного синдиката по утилизации тыкв и чёрной магии. Наша «волшебная» встреча на заднем дворе была не милостью небес, а банальной коллекторской засадой.

Развязка наступила в прошлый четверг, когда мачеха в очередной раз пронесла в подоле бутылку можжевеловой водки, но наткнулась в саду на Фею, карауливщую меня у кустов роз. Воздух мгновенно зазвенел от ненависти. Фея-Крестная стояла, опираясь на волшебную палочку, которая из-за плохого контакта со Вселенной уныло искрила фиолетовым неоном.

— О, глядите-ка, — процедила Фея, обдав кусты ароматом серы и дешёвого бренди. — Наша домашняя садистка пожаловала. Ты опоздала, Тремейн, девка теперь принадлежит корпорации «Корона». Контракт подписан, налоги уплачены. Убирайся в свою каморку.

Леди Тремейн не дрогнула. Она расправила свои безупречные чёрные кружева и посмотрела на волшебницу с леденящим цинизмом.

— Ты, потасканная аномалия, — тихо сказала мачеха, и в её голосе прорезался металл. — Заманила ребёнка в эту золочёную клетку к кастрированному дураку ради монополии на транспортные перевозки? Ты ведь знала, что этот принц способен производить на свет только сопли.

— Бизнес есть бизнес, дорогая, — ухмыльнулась Фея, пуская дымное кольцо. — Девка получила свою мечту. А то, что её муж предпочитает протокол тринадцатого века здоровой

анатомии — издержки производства. Зато она спит на шёлковых простынях, оплаченных моим синдикатом. Любовь — это душевная чесотка для нищих.

— Ты ничего не поняла, тварь из чистилища! — Леди Тремейн горько рассмеялась, и в этом смехе было столько обжигающей боли, что я затаила дыхание. — Ты думала, я измывалась над ней все эти годы? Я учила её выживать! Я закаляла её характер, чтобы она не сдохла от первой же экзистенциальной тоски. Потому что она — моя кровь. Я — её настоящая, любящая мать.

Фея цинично расхохоталась.

— Твоя кровь? Серьёзно? Тот покойный пьяница-лесничий, которого все считали отцом этой девки... Он был моим главным директором по логистике тыквенных карет и по совместительству — моим законным мужем. Да-да, Тремейн! Наша встреча на заднем дворе была не случайностью. Это её дражайший папочка слил мне все координаты и подписал контракт, по которому девка уходит в счёт его карточных долгов перед моим синдикатом! А Анастасия и Гризельда — мои родные доченьки, которых твой бывший воспитывал как своих, пока они законно наследовали плантации!

Леди Тремейн медленно достала из кармана тяжёлый воронёный армейский пистолет, выменянный у начальника тайной канцелярии. Она хладнокровно взвела курок и направила дуло точно между глаз волшебницы.

— Магия — это хорошо, старая карга, — спокойно произнесла моя мать. — Но свинец летит со скоростью, которую твои мыши не успеют просчитать.

Фея лишь издевательски щёлкнула ногтями. Раздался громкий хлопок. Тяжёлый пистолет в руке мачехи стремительно раздулся и превратился в спелую оранжевую тыкву.

— Ну-ну, полегче с огнестрелом, мамочка, — захихикала Фея. — И раз уж мы заговорили о семейных тайнах, давай я окончательно обрушу твой мир. Тот пылающий страстью младенец, плод твоего давнего пьяного свидания с королём у старой мельницы, которого у тебя отобрали в колыбели... Это и есть наш дражайший принц. Он твой родной сын от старого короля, украденный мной из твоей спальни. Я подбросила его во дворец, наложив заклятие вечной мужской несостоятельности и слабоумия, чтобы он никогда не соскочил с крючка моего синдиката. А твоя Золушка теперь нянчит твоего собственного сына!

Я за колонной сползла по мрамору на пол. Сюжет сказки превратился в извращённую корпоративно-генетическую петлю. Мой отец продал меня Фее, моя мачеха — моя настоящая мать, мои сводные сёстры — дети Феи от моего отца, а мой муж — родной сын мачехи от покойного короля.

Фея-Крестная победоносно ухмыльнулась и растворилась в воздухе. Леди Тремейн тяжело вздохнула, с грохотом уронила тыкву на мраморную дорожку, где та живописно раскололась, но тут из-за кустов выполз сам принц. Его камзол был залит утренними слезами, но на бледном лице впервые горел огонь пробуждения. Заклятие Феи явно дало сбой от такого накала страстей.

— Мама? — робко произнёс он, глядя на леди Тремейн. — Так это ты... Ты моя настоящая мама? А я-то думал, почему меня с детства так тянет мыть котлы! Это зов крови!

Мачеха повернулась к нему с гаммой чувств от материнской любви до глубокого разочарования.

— Сын мой, — сухо сказала она. — Поправь гульфик, ты позоришь нашу династию.

Но принц уже её не слушал. Он повернулся в сторону плантаций, где виднелись силуэты Анастасии и Гризельды.

— К чёрту протокол! — вдруг возопил он. — Золушка, прости, но я должен сделать признание. Все эти три года я чах от космического вожделения! Я безумно люблю Анастасию и Гризельду! Обеих сразу! Я тайком встречался с ними и полюбил их ещё во время нашей с тобой свадьбы! Пока ты примеряла фату, я зажимал твоих сестёр в королевской оранжерее! Я

хочу сбежать с ними в Момбасу и жить в грехе и пороке! Они обе — часть моего израненного сердца!

Я чуть не выронила поднос. Леди Тремейн с жалостью посмотрела на своего новообретённого сына.

— Ну надо же, — цинично протянула она ко мне. — Заклятие снялось, но вылезла первобытная похоть к дочерям Феи-Крестной. Он весь в своего покойного папашу-короля.

Принц рыдал, размазывая грязь по лицу. Это был полный крах монархического маркетинга, но в этой картине было столько честной, глупой доброты, что я впервые за три года искренне рассмеялась. Я подошла к своему мужу-брату, с тёплой заботой вытерла его обжигающую слезу кружевным подолом и протянула поднос.

— Ну полно, ваше высочество. Забирай свои два яичка, иди к своим богиням огорода и оформляй на них тройной контракт. А мы с мамой забираем этот замок под свой личный контроль. Пора навести здесь порядок.

Заключение Золушки

И как теперь со всем этим жить, спросите вы?

Нормально жить. По графику распределения активов. Когда Вселенная выдает тебе вместо хрустальной сказки латиноамериканскую мыльную оперу, закрученную вокруг оптовых поставок бахчевых культур, у тебя есть два варианта: уйти в монастырь или возглавить совет директоров. Мы с мамой выбрали второе. После стольких лет перебирания чечевицы в темноте управленческий учёт и аудит королевской гвардии даются мне подозрительно легко.

Принц, Анастасия и Гризельда вчера официально подали документы на визу в Момбасу. Муж выглядел абсолютно счастливым — он паковал в чемодан свои лучшие шёлковые панталоны, попутно рассуждая о том, что первобытная похоть отлично лечит мигрень. Я искренне желаю этой троице удачи в их городе порока: пусть плавятся от любви под шелест пальм и шлют нам магнитики на холодильник.

Жизнь оказалась циничной, запутанной и абсолютно сумасшедшей штукой. Но среди всего этого абсурда во мне горит отчаянная, победная надежда. Мой башмачок всё ещё тридцать шестого размера, сердце надёжно спрятано в кулаке, а рядом со мной — женщина, которая ради меня готова превращать оружие врагов в тыквы. Так что мы ещё повоюем. Главное в этой жизни — держать разум включённым, порох сухим, а юмор — чёрным.

Эпилог: Ответный удар Феи-Крестной

Они думают, что победили. Мило. Невероятно мило. Эта сопливая девка с подносом и её престарелая мамочка в траурных кружевах решили, что провести аудит моего синдиката — это так же просто, как выгрести золу из печи. Какая вопиющая несправедливость! Кто строил эту логистическую империю? Кто инвестировал в хрустальные технологии, когда рынок стоял на коленях?!

Я сделала из этой замарашки бренд мирового уровня! А в ответ получила угрозы огнестрельным оружием. Какая неблагодарность. Благо, перерождение свинца в овощи у меня настроено на автопилоте.

Они празднуют победу, пьют джин на балконе и думают, что прибрали к рукам замок. Глупые смертные существа. Они думают, мой зять уехал в Момбасу просто так? Мои родные доченьки, Анастасия и Гризельда, уже везут этого кастрированного дурака на побережье, чтобы переписать на мой офшор последние портовые терминалы Восточной Африки.

Пусть Золушка управляет своими гвардейцами. Гвардия подчиняется приказам, а приказы пишут те, у кого в руках контракты. Мои мыши уже перегрызли шнуры королевского телеграфа. Документы на арест имущества леди Тремейн за неуплату налогов на недвижимость за последние тридцать лет уже лежат на столе у главного судьи. Магия никуда не исчезла, дорогие мои. Она просто сменила мантию на строгий деловой костюм.

Они хотели цинизма и жёсткой правды? Они её получат. Скоро карета снова превратится в тыкву, но на этот раз — вместе со всем их чёртовым королевством. Я возвращаюсь. И мой ответный удар будет пахнуть не сиропом, а чистым, юридически безупречным банкротством. Часики тикают, Золушка. Скоро полночь.

Книга 2. Продолжение Буратины

Любая уважающая себя детская книжка обрывается на самом интересном месте — ровно в ту секунду, когда золотой ключик поворачивается в замочной скважине, занавес театра «Молния» торжественно взмывает вверх, а дальше авторы стыдливо пишут «конец» и уходят пить чай. Никто не рассказывает о том, что происходит, когда сказочный персонаж из звонкого полена превращается в половозрелого акционера с контрольным пакетом акций и кризисом среднего возраста.

К двадцати пяти годам Буратино окончательно заматерел. Он больше не носил бумажную курточку и полосатый колпак — теперь он предпочитал итальянские кашемировые костюмы, курил дорогие сигары и лично вёл бухгалтерию театра, который приносил такой доход, что Карабас-Барабас от зависти сгрыз собственную бороду до самого подбородка.

Но была у нового директора одна деликатная проблема. Длинный деревянный нос, некогда спасавший его от вороньих клювов, в мире большого бизнеса стал категорически мешать. На переговорах он упирался в графины с водой, в ресторане задевал официантов, а во время деловых поцелуев с дамами света грозил оставить собеседницу без глаз.

— Папа Карло, решай вопрос, — сказал однажды Буратино, завалившись в старую каморку под лестницей с бутылкой выдержанного кьянти. — Ты меня выстрогал, тебе и тюнинг делать. Убирай этот шпиль с лица. Хочу профиль как у Алена Делона.

Старый шарманщик, к тому времени обзаведшийся тремя патентами на столярную хирургию и лёгким тремором в руках, надел очки, достал рашпиль, рубанок и пожелтевший чертеж говорящего полена.

— Понимаешь, сынок, — кряхтел папа Карло, прищурившись на свечу. — Полено-то было волшебное, итальянское, из породы Пиноккио вульгарис. В нём действует строгий закон сохранения древесины и встроенный датчик совести. Помнишь, у твоего итальянского кузена от вранья нос рос? Так вот, в тебе зашит точно такой же механизм, просто я его в детстве заглушил. Если я сейчас срежу нос, волшебный детектор лжи никуда не денется — он просто переедет на новый узел. И учти: с этого дня от каждого твоего вранья у тебя будет увеличиваться именно мужское достоинство. Куда излишки и датчик перекидывать будем?

Буратино хитро прищурился, отхлебнул из бокала и молча ткнул пальцем в чертеж чуть ниже пояса.

Операция прошла под местным наркозом из граппы и сосновой смолы. Когда бинты сняли, Буратино подошёл к зеркалу и присвистнул. Нос стал коротким, благородным и аристократичным — хоть сейчас на обложку журнала «Форбс». Но стоило ему произнести первую дежурную фразу: «Я совершенно не пил сегодня, папа», — как в паху раздался характерный сухой щелчок годичных колец, и его мужской орган мгновенно прибавил три сантиметра в длину и два в обхвате. Портным пришлось в срочном порядке перекраивать все брюки театрального директора по индивидуальным лекалам.

Первой побочный эффект оценила Мальвина.

За прошедшие годы девочка с голубыми волосами превратилась в холодную, педантичную светскую львицу и главного режиссёра театра. Она обожала порядок, строгий регламент и презирала мужскую неискренность. Но когда Буратино явился на утреннюю планёрку с новым профилем и подозрительно уверенной походкой, у Мальвины впервые за пять лет выпал из рук монокль.

— Буратино… — прошептала она, густо краснея от корней голубых волос до кружевного воротничка. — Вы… вы изменили имидж? В вас появилась какая-то… монументальная основательность. Я всегда говорила, что вам не хватает масштаба!

Вечером того же дня она отменила репетицию «Спящей красавицы» и заперла дверь гримёрки на два оборота. Уже через десять минут тонкая женская интуиция позволила ей раскусить принцип работы нового механизма: стоило Буратино соврать, как его главный мужской аргумент начинал стремительно расти прямо на глазах.

С тех пор репертуарная политика театра кардинально изменилась. Перед каждой закрытой репетицией Мальвина усаживала директора на бархатный диван и требовала от него подробного отчёта о том, что он не тратил казённые деньги в трактире «Три пескаря», что он абсолютно равнодушен к пышногрудым блондинкам и что в этом квартале у театра вообще не было никаких убытков. Чем вдохновеннее врал Буратино, тем внушительнее становился его главный орган, тем громче в гримёрке трещали швы на кашемировых брюках и тем счастливее сияли голубые глаза главного режиссёра. Правда, папе Карло приходилось раз в неделю приходить с рубанком и снимать лишнюю стружку, когда масштабы вранья начинали превышать разумные пределы спальни.

Пьеро, подслушивавший под дверью, за ту неделю написал сорок трагических сонетов о том, как грубая ложь одержала сокрушительную победу над высокой поэзией, и ушёл топиться в пруду к черепахе Тортилле, но, поскольку в пруду было по колено, просто простудил ноги и уволился по собственному желанию.

Слухи о чудесном преображении разлетелись по Стране Дураков быстрее, чем курс золотого на Поле Чудес.

К каморке папы Карло выстроилась очередь из состоятельных граждан, готовых отдать последние пять золотых за аналогичную столярную коррекцию. Лиса Алиса немедленно открыла рядом клинику эстетической древесины «Три корочки», где под видом волшебного эликсира впаривала клиентам полироль для мебели, а Кот Базилио подрабатывал на входе, на ощупь оценивая результаты операций и выдавая сертификаты качества.

Даже старый Карабас-Барабас, узнав, в чём секрет внезапной популярности конкурента, попытался провернуть ту же схему с помощью садового секатора, но, поскольку был сделан не из говорящего полена, а из обычной вредности и конского волоса, лишь испортил себе бороду и попал в травмпункт.

А сам Буратино стоял на балконе своего театра, глядя на ночной город, и философски пускал дым сигары в звёздное небо.

Жизнь оказалась удивительно справедливой штукой. В детстве нам говорят, что врать нехорошо и что правда всегда выйдет наружу. Но когда ты вырастаешь и попадаешь в мир больших страстей и серьёзного бизнеса, выясняется, что хорошо упакованная, вдохновенная ложь — это не порок, а главный двигатель прогресса. Особенно если от каждого вранья у тебя растёт то, что действительно имеет значение.

Книга 3. Белоснежка и семь алиментов, или Генетика в хрустальном гробу

Глава 1. Ревизия на лесном хуторе

Любая уважающая себя принцесса знает: если мачеха начинает слишком пристально разглядывать тебя в зеркало и интересоваться твоим рационом, пора не к леснику бежать, а нанимать хорошего юриста по наследственному праву.

Но Белоснежка в свои восемнадцать лет была девушкой наивной, с кожей цвета свежего творога, губами цвета спелой вишни и полным отсутствием инстинкта самосохранения. Она искренне верила, что лесная избушка на отшибе — это спа-курорт для восстановления нервной системы, а семеро низкорослых бородатых мужчин с кирками — просто добродушные альтруисты, обожающие бесплатную уборку и пироги с крыжовником.

Правда вскрылась на пятый год её лесной ссылки, когда Белоснежка в очередной раз оттирала присохшую кашу от семи чугунных котелков, а Умник в очках потребовал отчёт по расходу мыла за третий квартал.

Именно в эту секунду дверь избушки распахнулась с таким треском, словно её вышибли армейским сапогом. На пороге стояла сама Злая Королева — в чёрном бархатном плаще, с безупречной укладкой и дымящейся сигаретой в длинном мундштуке. За ней, брезгливо отряхивая дорожную пыль с кружевных манжет, семенила подозрительно знакомая старуха с искрящейся фиолетовым неоном волшебной палочкой.

— Здорово, замарашка, — процедила Королева, окидывая принцессу ледяным взглядом. — Яблочко привезла. Свежее, наливное, без ГМО. Кусай, не стесняйся, у меня в пять часов маникюр.

— Опять за старое, сестрица? — вздохнула старуха с палочкой, доставая из ридикюля фляжку с дешёвым бренди. — Вечно ты всё усложняешь со своими отравленными фруктами. Я же тебе говорила: у меня в соседнем королевстве девка через тыквенный лизинг и замужество за собственного брата пристроена — тихо, законно, налоги капают. А у тебя тут сплошная партизанщина!

Белоснежка замерла с поварёшкой в руке, переводя ошалевший взгляд с мачехи на её спутницу.

— Вы… вы кто? — выдохнула принцесса.

— Познакомься, дорогая, — цинично ухмыльнулась Королева, пуская дымное кольцо в потолок. — Это моя старшая сестра, Фея-Крестная. Главный логист по бахчевым перевозкам и твой будущий куратор. А теперь — к делу. Я устала от этой лесной самодеятельности. С сегодняшнего дня ты официально ложишься в хрустальный гроб на бессрочный ретрит, а шахты переходят под внешнее управление нашего семейного синдиката.

— Да не трогайте вы девку! — вдруг пискнул из угла Ворчун, сжимая в кулаке обломок кирки. — Она нам ещё за прошлый год не всё отработала!

Королева медленно повернула голову в сторону семерых бородачей, прижавшихся друг к другу у печки, и вдруг разразилась таким раскатистым, ядовитым хохотом, что с потолка посыпалась труха.

— Ой, держите меня семеро! — сквозь слёзы выдавила она. — Они ещё и права качают! Белоснежка, милая, тебе эти бородатые суслики ничего не рассказывали о твоей бурной молодости?

— О чём вы? — побледнела принцесса. — Я приехала сюда невинной девочкой!

— Невинной? — фыркнула Фея-Крестная, сверяясь со старым пергаментным свитком. — По бумагам нашего архива, ровно семь лет назад после выпускного бала в королевском лицее ты так надегустировалась сливового шнапса, что к утру произвела на свет семерню! Причём от королевского казначея, который с перепугу сбежал в Атлантиду. Твой покойный папаша-король, чтобы замять скандал века, отдал младенцев мне на передержку, а я — человек прагматичный — наложила на них заклятие ускоренного оволосения, ранней зрелости и вечного трудоголизма. Выдала им кирки, оформила как артель «Семь гномов» и поселила в лесу, чтобы отрабатывали детские пособия! А потом подбросила тебя сюда — так сказать, на бесплатное воссоединение семьи!

В избушке повисла гробовая тишина. Даже сверчок за печкой подавился собственным стрекотом.

Белоснежка ошарашенно перевела взгляд с пергамента на своих суровых, заросших щетиной шахтёров. Получалось, что все эти брутальные бородатые мужики с мозолистыми ручищами, басовитым кашлем и вечными спорами о налогах на самом деле — семилетние мужики, которым по всем законам природы сейчас положено в первый класс с ранцем ходить и в песочнице куличики лепить!

Она медленно обвела взглядом всю семёрку. Пять зим в глухом лесу — срок долгий, метели за окном завывали неделями, а кровь у молодой принцессы была горячая. Как тут не согреться в дружном коллективе? Семилетние бородачи смущённо потупили глазки в пол, и у каждого в памяти явно всплыли свои ночные смены: как Умник снимал очки и оказывался на удивление изобретательным теоретиком, как Ворчун переставал бубнить под медвежьей шкурой, как Весельчак умел рассмешить её в полной темноте, а даже тихий Соня однажды проснулся в самый нужный момент.

Но её взгляд невольно задержался в самом дальнем углу у печки, где переминался с ноги на ногу Простачок — самый страшный, косолапый, кривозубый и безнадёжно глупый из всех семерых. У него было одно ухо больше другого, вечно перепачканный сажей нос и взгляд доброго, преданного дворового пса, который путает право и лево, но готов отдать за хозяйку последний сухарь.

В груди у Белоснежки больно сжалось. Как бы ни старались остальные шестеро, лучше всех ей было именно с этим нелепым недотёпой. В его бесхитростной, неуклюжей нежности было столько дурного, первобытного восторга, что у принцессы каждый раз кружилась голова — то ли от его трогательных полевых ромашек, тайком подложенных под подушку, то ли от того, с каким собачьим обожанием он грел её ледяные башмаки у печки. А теперь эта старая ведьма со свитка заявляет, что вся эта лесная идиллия — её родные семилетние сыновья?!

Внутри всё взбунтовалось. «Врёт. Она всё врёт, старая аферистка, — лихорадочно стучало в висках. — У них с мачехой ни одного честного слова за душой нет! Они специально придумали эту дичь, чтобы сломать мне волю, загнать в свой стеклянный ящик и прибрать к рукам прииски!»

Она снова взглянула на Простачка. Тот робко поднял на неё свои мутные, влюблённые глаза, глупо улыбнулся щербатым ртом и неуклюже поправил сползший набекрень колпак. От этой картины у Белоснежки закружилась голова — то ли от омерзения к себе, то ли от отчаянной надежды, что Королева блефует.

«Подождите-ка… — вдруг пронеслась в голове холодная, трезвая мысль, заставившая её прищуриться. — Даже если допустить этот бред на секунду… Я — первая красавица королевства, метр семьдесят восемь без каблуков, кожа как фарфор, ни одного лишнего волоска даже на бровях. И тот беглый казначей, если память мне не изменяет, был высоким, смазливым блондином с иголочки! С какой стати у двух длинноногих красавцев вдруг родилась семерня метр двадцать в прыжке, с кривыми ногами и бородами до колен?!»

Белоснежка нахмурилась, пытаясь сквозь пелену давнего похмелья воскресить в памяти ту самую ночь после выпускного бала. Казначея она вообще не помнила — ни лица его, ни голоса. Вместо этого сквозь мутный сон вдруг выплыл душный сеновал за королевским театром, запах свежей сосновой стружки и… чей-то нелепо длинный, тёплый деревянный нос, упиравшийся ей прямо в ключицу! И странная страсть грызть по ночам сосновую кору, которая мучила её всю ту осень, и привычка Умника с Ворчуном во сне скрипеть зубами точь-в-точь как короеды. Ведь недаром в последние месяцы в их глухой лес подозрительно часто стал заглядывать сам владелец театра «Молния» — солидный, вальяжный Буратино. Забегал якобы просто так, «поиграться с мальчиками» в городки, приносил им дорогие сладости, а на прошлой неделе сороки на хвосте принесли новость, что он сделал себе у папы Карло какую-то загадочную операцию по пересадке древесины… Надо бы его как следует повыспрашивать при следующей встрече!

Но ещё страшнее было другое воспоминание. Последние три месяца к ней в кошмары зачастил один и тот же мерзкий ночной гость. Стоило погасить свечу и задремать, как с тихим лязгом открывалась чугунная заслонка печного дымохода, и оттуда в клубах жирной сажи и жёлтого дыма вываливался сам Румпельштильцхен — скрюченный, желтушный карлик-коллектор и мастер чёрного шантажа, от которого разило старой соломой, плесенью и гнилыми

зубами. Во сне он присаживался на печной шесток, противно хихикал, размахивал длинным голым крысиным хвостом и сипло шептал через всю комнату: «Забыла выпускной бал, беленькая? Как у сеновала обнимала меня вместо плюшевого медведя и шептала: Мой маленький, страшненький зайчик? Кровь всегда возвращается по векселю…» Просыпалась Белоснежка в холодном поту, а на вьюшке всякий раз оставалась горстка грязной трухи и отпечаток когтистой лапки в золе. И сейчас, глядя на Чихуна, Соню и Скромника — на их одно ухо больше другого, желтушную хитринку в глазах и привычку противно хихикать в кулак, — принцесса с ледяным ужасом поняла: половина гномов была вылитым Румпельштильцхеном!

— Ну что, мамочка? — ядовито прищурилась Королева, заметив, как побледнела принцесса. — Сюрприз удался? Кусай яблоко и полезай в гроб, не позорь королевскую фамилию.

Белоснежка медленно опустила поварёшку на стол. Смутная, разъедающая душу тревога никуда не делась — сомнение засело под рёбрами острой ледяной занозой. Но показывать слабость перед этими двумя хищницами она не собиралась.

Она подошла к Королеве, спокойно забрала из её ухоженных пальцев наливное красное яблоко, надкусила его с громким, сочным хрустом — и даже не поморщилась. Яд на фоне услышанной правды показался ей лёгким витаминным смузи.

— Слабоват цианид, мачеха, — ледяным, выверенным тоном произнесла Белоснежка, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Я пять лет ела стряпню Ворчуна, меня теперь даже серная кислота не возьмёт. А теперь слушайте сюда, родственнички.

Она повернулась к замершим гномам и щёлкнула пальцами:

— Значит так, артель. С этой минуты лафа закончилась. Вы все семеро выходите на три смены в алмазный забой — будете отрабатывать мне моральный ущерб и содержание за все годы моей загубленной молодости. Умник, к утру подготовишь налоговую декларацию и перепишешь лицензию на прииски на моё имя. А ты, Простачок… — её голос на секунду дрогнул, но она тут же взяла себя в руки, — ты останешься наверху. Будешь таскать мне воду и топить печь.

Затем Белоснежка перевела взгляд на ошарашенную Королеву и Фею-Крестную:

— А вы, две аферистки, забираете свой хрустальный гроб и проваливаете из моего леса, пока я не натравила на ваш синдикат профсоюз горняков и налоговую инспекцию. Если через пять минут я вас здесь увижу — я расскажу всему королевству, кто на самом деле поставляет просроченные тыквы на королевские балы и у кого в зеркале стоит фотошоп тринадцатого века.

Фея-Крестная нервно сглотнула, спрятала палочку в ридикюль и попятилась к двери:

— Ну… мы, пожалуй, пойдём, сестрица. У меня там в соседней сказке Золушка на пятом сеансе у психолога, надо проконтролировать…

Дверь захлопнулась. В избушке снова стало тихо.

Белоснежка подошла к окну, глядя вслед удаляющимся чёрным плащам, а затем медленно обернулась к Простачку, который застенчиво перебирал пальцами край своей засаленной жилетки. Сердце колотилось где-то в горле. Она не верила ни единому слову колдуньи, но проклятый червяк сомнения уже точил её изнутри, отравляя каждое прикосновение.

«Ничего, — подумала Белоснежка, незаметно пряча в карман передника выпавший из колпака Простачка рыжий, жёсткий волос и его недопитую глиняную кружку. — Завтра же с первыми петухами отправлю гонца в столицу, в Королевскую лабораторию судебной алхимии. Пусть делают полную генетическую экспертизу. И заодно загляну к Буратино в гримёрку — посмотрим, чем это он так заинтересовал Мальвину и откуда у моих гномов такая тяга к столярному делу».

Глава 2. Сердце не обманешь, или Повестка в лесной суд

Свиток из Королевской лаборатории судебной алхимии прибыл на четвёртый день с курьером, который с порога потребовал двойные чаевые за вредность и тут же умчался прочь.

Белоснежка заперлась в кладовке, дрожащими пальцами сломала сургучную печать и развернула пергамент. Главный алхимик королевства не подвёл — расклад по семерне оказался настолько закрученным, что у принцессы на мгновение перехватило дыхание.

Во-первых, шестеро старших действительно оказались её кровными детьми. Причём трое — Умник, Ворчун и Весельчак — несли в себе чистейший древесный маркер итальянской пинии (то есть были прямыми наследниками Буратино и того самого сеновала с сосновой стружкой). Ещё трое — Соня, Чихун и Скромник — на сто процентов совпали с мерзким генетическим кодом подвального коллектора Румпельштильцхена: отсюда и их желтушный оттенок кожи, и привычка прятать заначки под половицами.

Но самое главное ждало Белоснежку в самом низу таблицы, в графе под номером семь.

Против имени Простачка стоял жирный красный штамп: «Совпадений с матерью — 0,0%. Происхождение неизвестно. Предположительно — подкидыш неизвестной породы».

Белоснежка прижала пергамент к груди и беззвучно рассмеялась, чувствуя, как с души свалилась многотонная каменная плита. Значит, женское сердце всё-таки не обмануло! Никакой он ей не сын, не брат и даже не седьмая вода на киселе — просто дикий лесной найдёныш, которого старая Фея-Крестная прицепила к остальным для ровного счёта, чтобы сдать оптом как семерню! Теперь его трогательные ромашки под подушкой и тёплые башмаки у печки снова обрели свой законный, сладкий и абсолютно не запретный вкус.

Спрятав справку в лиф платья, принцесса вышла в горницу с совершенно новым выражением лица — холодным, деловым и хищным. Пора было наводить порядок в акционерном обществе.

— Так, мальчики, собрание акционеров объявляю открытым, — объявила Белоснежка, звонко ударив поварёшкой по чугунному котелку. — Бумаги из столицы пришли. К Буратино претензий не имею: папаша он хоть и деревянный, но сознательный — каждую неделю в лес заглядывает, в городки с вами играет, гостинцы таскает, да и после его новой операции у папы Карло с него явно есть что взять в качестве дивидендов. А вот с вашим вторым биологическим производителем — господином Румпельштильцхеном — у нас выходит вопиющая несправедливость.

Чихун и Скромник переглянулись и синхронно шмыгнули носами.

— За семь лет эта крыса ни разу носа в избушку не показала! — продолжала Белоснежка, расхаживая перед притихшими гномами, словно прокурор перед присяжными. — Только по снам моим шастает, труху на подоконнике оставляет да закладными на шахты размахивает! Ни копейки на ботинки, ни грамма соломы на матрасы! Я так это дело не оставлю.

Она подошла к Простачку, который сидел у печки и с обожанием смотрел на неё своими мутными, преданными глазами, и ласково потрепала его по кривому уху:

— А ты, мой хороший, сегодня в шахту не пойдёшь. Начищай сапоги и доставай из сундука мой лучший походный плащ. Завтра на рассвете мы с тобой отправляемся в Подземный ломбард. Пора выбить из этого карлика алименты за все семь лет — с процентами, пеней и моральной компенсацией!

Книга 4. Месть Белоснежки

Глава 1. Три вопроса в гримёрке без штанов

Утро в столице выдалось пасмурным, но у Белоснежки настроение было боевое, как у налогового инспектора перед внеплановой проверкой. Оставив Простачка сторожить запряжённую тройку у служебного входа театра «Молния» с пакетом леденцов на палочке, принцесса решительным шагом взлетела по мраморной лестнице, оттолкнула растерянного капельдинера и без стука распахнула дверь директорской гримёрки.

В комнате пахло дорогим трубочным табаком, пудрой, итальянским кьянти и свежей сосновой стружкой.

Сам владелец театра восседал в глубоком бархатном кресле у трюмо. На Буратино была надета ослепительно белая шёлковая рубаха, скроенная почему-то до самых колен, словно ночная сорочка римского патриция, из-под которой торчали голые, идеально отполированные деревянные голени. Лицо директора сияло аристократическим благородством: на месте знаменитого длинного шпиля красовался аккуратный, точеный нос, которому позавидовал бы любой античный бюст.

Увидев на пороге Белоснежку с походным плащом наперевес и свитком генетической экспертизы в кулаке, Буратино ничуть не смутился. Он вальяжно откинулся на спинку кресла и одарил гостью самой обаятельной, белозубой улыбкой, на какую только способно говорящее полено.

— Ба, какие люди в нашем балагане! — бархатным баритоном протянул директор, лениво покручивая в пальцах бокал с красным вином. — Сама лесная принцесса пожаловала. Какими судьбами, беленькая? Неужели решила сменить кирку и котелки на подмостки? У меня как раз освободилась ставка примы — Мальвина сегодня с утра уехала на репетицию в соседний уезд.

Белоснежка медленно закрыла дверь на щеколду, подошла вплотную к креслу и скрестила руки на груди. В её глазах горел холодный, прищуренный огонь следователя, у которого на руках уже есть все улики.

— Не заговаривай мне зубы, театрал, — ледяным тоном отрезала она. — У меня к тебе ровно три вопроса. Первый: что случилось с твоим носом? Второй: с какой стати от тебя у меня родились гномы, хотя я, между прочим, первая красавица королевства? И третий: почему ты сидишь передо мной без штанов, и зачем тебе понадобилась такая длинная рубаха?

Принцесса наклонилась к нему так близко, что уловила лёгкий запах сосновой смолы, и добавила с победной, ядовитой усмешкой:

— Только не вздумай мне врать, Буратино. Я любую твою ложь за версту увижу — у тебя же от вранья сразу начнёт расти нос!

Буратино посмотрел на неё снизу вверх, медленно растянул губы в хитрой, мальчишеской ухмылке и даже не моргнул.

— Отвечаю строго по протоколу, ваше высочество, — с удовольствием произнёс он, загибая деревянные пальцы. — Вопрос первый: нос у меня всегда был таким. Идеальным, коротким и аристократичным. Ты просто после того выпускного бала на сеновале всё перепутала с похмелья. Вопрос второй: никаких штанов у меня в гардеробе отродясь не водилось — в театральном бизнесе сейчас в моде полная свобода движений и проветривание активов. И, наконец, вопрос третий…

Директор театра сделал театральную паузу, посмотрел прямо в синие глаза Белоснежки, отчего у принцессы вдруг предательски ёкнуло под ложечкой, и тихо, с бархатной хрипотцой выдохнул:

— Я тебя совершенно не люблю, беленькая. Ни капельки. Даже не вспоминал все эти семь лет.

В гримёрке повисла звонкая тишина.

Белоснежка впилась взглядом в его переносицу. Нос Буратино не дрогнул ни на миллиметр — он оставался всё таким же коротким, благородным и безупречным. Принцесса растерянно моргнула, чувствуя, как её железная логика начинает давать сбой, — но ровно в эту секунду её взгляд скользнул чуть ниже, на подол длинной шёлковой рубахи.

Белоснежке вдруг на секундочку показалось, что под тонким шёлком с глухим, сухим щелчком годичных колец выдвинулся невидимый телескопический упор — и Буратино, чуть приподнявшись в кресле, на что-то очень основательно и уверенно опёрся прямо посреди комнаты.

Принцесса густо покраснела до самых корней иссиня-чёрных волос, судорожно сглотнула и сделала шаг назад, прижав свиток экспертизы к груди как щит.

— Ах ты… бесстыжий чурбан! — выдохнула она, понимая, куда именно папа Карло пересадил волшебный датчик лжи. — Значит, все три раза соврал! И про нос, и про штаны, и про то, что не любишь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.